

Штрихи к портрету

Мне посчастливилось знать Василия Михайловича, страшно сказать, пятьдесят пять лет, и бывали периоды, когда мы очень плотно общались каждый день, например в Париже и в Оксфорде. Писать о человеке такого масштаба легче было бы с бóльшего расстояния. О его роли в науке уже написано много и хорошо, и напишется еще. А я поделюсь небольшими живыми воспоминаниями.

Я писал под руководством Василия Михайловича дипломную работу, а потом был у него стажером. Для приема подопечных им был выделен один день в неделю, точнее вторая половина дня. Приходила толпа народу, иногда доходившая до 12 человек¹, и выстраивалась очередь. Всегда спрашивал сперва: “Какая у тебя задача?” Они были из совсем разных тематик. Припоминаю дифракционные задачи с разделяющимися переменными (планировалась книга, к большому сожалению, так и не написанная) а также вопросы, связанные с построением локализованных решений и с обоснованием дифракционных формул. С пришедшими пораньше Василий Михайлович беседовал подробно, импровизируя длинные, и, часто виртуозные выкладки. Под конец он, бывало, еле держался на стуле, но непременно принимал всех. Принесенные ему тексты он быстро листал, иногда вдруг останавливаясь и, ткнув пальцем: “А это что?!” — сразу попадал на неудачное место.

Некоторые математики готовы обсуждать серьезные аналитические вопросы, например, по телефону. Я наблюдал, как В. С. Буслаев не один час говорил со своим аспирантом о каком-то интеграле, сидя на подоконнике, без ручки и бумажки. Василий же Михайлович непременно должен был иметь перед глазами формулы и разговор без них не понимал и не допускал.

Мой товарищ, впоследствии достигший в математике заметных успехов, сдавал ему экзамен на четвертом курсе. Василий Михайлович, как обычно, слушал с отрешенным видом, полуприкрыв глаза. Вдруг он оживляется: “Что-то Вас на философию² тянет! Давайте-ка поподробнее”. А в заключение говорит: “Вас все-таки тянет на философию, а философия — вещь для физика и математика чрезвычайно вредная. И чтобы Вы это хорошо запомнили, я поставлю Вам четверку!”. Кажется, у моего товарища это была единственная не-пятерка по математике, но назидание Василия Михайловича он вспоминал с неизменным удовольствием.

Василия Михайловича огорчало употребление коллегами избыточно мудреной терминологии, он уподоблял это *боевой раскраске дикаря*. Он часто повторял слова пологового из пьесы Блока: “Непонятно-с, но весьма утонченно-с”. В нашей книге приведено его характерное мнение: “...математическая красота несовместима с усложненностью и витиеватостью математического аппарата”.

---

¹Припоминаю, что с мат-меха систематически приходили Н. С. Григорьева и А. П. Качалов, получившие впоследствии докторские степени, и еще парень и барышня, фамилии которых я забыл. С физфака, кроме меня, почти всегда бывали Т. Ф. Панкратова, Б. Н. Семенов, Б. А. Чихачев и, если я не ошибаюсь со сроками, Д. Ш. Могилевский. Были еще умеренно молодой человек и совсем уже зрелая дама из Якутии — кажется, этих людей ему навязали в аспиранты. Наконец, нередко появлялись и люди, не связанные с ним формально.

²Философия, благодаря качеству ее преподавания в его время, была для Василия Михайловича синонимом пустой болтовни.

Когда надо было поручить сотруднику лаборатории не особенно желанное дело, например возиться со статьями для очередного сборника Записок семинаров ЛЮМИИ, Василий Михайлович, построив коллектив в круг, делал выбор с помощью детской считалки — и всегда выпадало на того, кого он заранее наметил.

Круг чтения Василия Михайловича был обширен и разнообразен. Иногда он ярко комментировал прочитанное. Например, о романе Газданова “Призрак Александра Вольфа”: “Замах есть, а удара нет”. Из сочинений А. Грина особенно выделял “Бегущую по волнам”. С презрением говорил о рассказе Джека Лондона “Костер” — автор (или герой?) ничего не смыслит в походах при температуре ниже минус сорока градусов. Был большим знатоком детективов, которые читал на трех языках, а потом раздаривал. Так мне досталась пара посредственных романов Сименона и захватывающий триллер Гарднера “The case of the blonde bonanza”.

Василий Михайлович с удовольствием позиционировал себя как детдомовец — почти как беспризорник. Действительно, во время эвакуации из Ленинграда он пробыл несколько месяцев в детском доме (где, впрочем, директором была его матушка). Василий Михайлович любил высказываться о еде в стиле “еда — она и есть еда”, как бы не допуская и мысли об обсуждении ее вкуса. В Оксфорде нас поселили в дорогой гостинице, где мы решили для удобства жить в одной огромной комнате (порадовав этим наших приглашителей, сэкономивших изрядную сумму). Нам полагался *английский завтрак* — шикарный, но, как в Англии заведено, изо дня в день неизменного содержания. На второй неделе Василий Михайлович говорит: “А пошли куда-нибудь позавтракаем”. Так мы и поступили.

Завершу подборку мелких штрихов к портрету этого большого и хорошего человека таким воспоминанием. В конце 1980-х Василия Михайловича пригласили в Мексику. Авиарейс был ночью. Василий Михайлович жил на проспекте Гореза — очень далеко от аэропорта, и притом за Невой, а мосты в это время года разводились. Я же жил у метро Московская, *всего в двенадцати километрах* от Пулково. Он провел у меня часть ночи и отправился пешком, в полной темноте, с изрядным рюкзаком. Не было и речи о том, чтобы вызвать такси или чтобы я его проводил. Разумеется, он благополучно улетел.

Алексей Прохорович Киселев